P.S. Ты мне нравишься

Автор:
Кейси Уэст

P.S. Ты мне нравишься

Кейси Уэст

Лили обожает музыку и ненавидит химию. Чтобы скоротать время на уроке, девушка пишет на парте цитату из своей любимой песни. А на следующий день видит, что кто-то дописал строчки из песни. Так Лили находит друга по переписке.

Но кто бы это мог быть? Под подозрение попадают несколько парней, и среди них Лукас, самый крутой старшеклассник в школе. Пытаясь найти анонимного собеседника, Лили узнает, что люди оказываются не такими, какими выглядят на первый взгляд.

Милая, добрая, очаровательная, романтическая история от Кейси Уэст, автора бестселлеров «Стань моим парнем» и «Расстояние между нами».

Кейси Уэст

P.S. Ты мне нравишься

Copyright © 2016 by Kasie West.

All rights reserved Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA

Jacket design by Yaffa Jaskoll

Jacket photographs by Michael Frost, © 2016 Scholastic Inc.

© Медведь О.М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Глава 1

Удар молнии. Атака акулы. Выигрыш в лотерею.

Нет. Я все зачеркнула. Слишком банально.

Постучала ручкой по губам.

Редкость. Что было редкостью? Мясо, подумала я и тихонько хихикнула. Для песни в самый раз.

Еще несколько раз провела ручкой по словам, зачеркивая их до неузнаваемости, а затем написала одно слово. Любовь. Теперь в моем мире она была редкостью. Романтическая так точно.

Моя соседка по парте Лорен Джеффрис прочистила горло, и только тогда я заметила, как в классе стало тихо, а я снова погрузилась в себя, отгородившись от окружающего мира. Со временем я научилась не высовываться, справляться с редким нежелательным вниманием. Я прикрыла учебником химии свой блокнот, в котором было что угодно, только не заметки по этому предмету, и медленно подняла голову.

На меня смотрел мистер Ортега:

– Добро пожаловать обратно на урок, Лили.

Все засмеялись.

– Уверен, вы записывали ответ, – сказал учитель.

– Разумеется. – Главное вести себя невозмутимо, как будто у меня нет чувств.

Как я и надеялась, мистер Ортега оставил меня в покое и перешел к объяснению предстоящей на будущей неделе лабораторной работы и тому, что нужно прочитать для подготовки к ней. Поскольку он так легко позволил мне соскочить с крючка, я решила, что смогу незаметно ускользнуть после урока, однако, когда прозвенел звонок, учитель подозвал меня к себе:

– Мисс Эбботт? Уделите мне минутку своего времени. – Я бросилась придумывать хороший предлог, чтобы уйти со всем классом. – Вы должны мне по меньшей мере одну минуту, ведь последние пятьдесят пять вы явно уделяли не мне.

Последний ученик покинул класс, и я подошла поближе к мистеру Ортега.

– Простите, мистер Ортега, – пролепетала я. – Мы с химией не в ладах.

Он вздохнул:

– Это улица с двусторонним движением, и вы со своей стороны ничего не сделали.

– Знаю, но я постараюсь.

– Да, постараетесь. А если я еще раз увижу на своем уроке этот блокнот, то заберу его.

Я едва сдержала стон. Как ежедневно выдерживать пятьдесят пять минут пытки, ни на что не отвлекаясь?

– Но мне нужно делать заметки, – пробормотала я. – По химии. – Даже не помню, когда последний раз делала хоть одну заметку по химии, не говоря уже о нескольких.

– Вам вполне хватит одного листка, и его вы будете показывать мне в конце каждого урока, – сказал учитель.

Я прижала к груди свой зелено-фиолетовый блокнот. В нем жили сотни идей для песен и стихов, незаконченные куплеты, наброски и эскизы. Он был моим спасательным кругом.

– Это слишком жестокое наказание. – Я понурила голову.

Мистер Ортега хохотнул:

– Помочь вам пройти мой предмет – моя работа. И вы не оставили мне иного выбора… – Я могла бы предложить ему целый список иных вариантов. – Думаю, мы пришли к соглашению.

Не стала бы называть это соглашением. Соглашение подразумевает обоюдное решение, а это скорее распоряжение, приказ… указ…

– Вы хотите еще что-то сказать? – спросил мистер Ортега.

– Что? Ой, нет. Я поняла. До завтра! – крикнула я.

– Никакого блокнота, – крикнул он мне вслед.

Когда дверь за мной закрылась, я снова открыла блокнот и на уголке страницы записала слово «указ». Хорошее слово. Нераспространенное. Пока я писала, врезалась в кого-то плечом и едва не упала.

– Разуй глаза, Магнит, – брякнул какой-то старшеклассник, которого я даже не знала.

Прошло два года, а люди до сих пор помнили это прозвище. Я никак не отреагировала, но, когда парень прошел мимо, представила себе, как бросаю свою ручку, словно дротик, ему в спину.

– Выглядишь так, будто готова кого-то убить, – подойдя ко мне, сказала моя лучшая подруга Изабель Гонсалес.

– Почему все до сих пор помнят эту дурацкую речовку, которую придумал Кейд? – проворчала я. Прядь темно-рыжих волос выбралась из ленточной ловушки и упала мне на глаза. Я заправила ее за ухо. – Она даже не в рифму.

– Речовка и не должна рифмоваться, – парировала Изабель.

– Знаю, – согласилась я. – Но я говорила не об его умении писать речовки, а о том, что ребята не должны ее помнить. До сих пор… Прошло больше двух лет, в ней ведь нет ничего запоминающегося.

– Прости, – улыбнулась Изабель, подхватывая меня под руку.

– Ты не должна за него извиняться. Он больше не твой парень. Да и вообще, я не хочу, чтобы ты меня жалела.

– Но мне правда жаль. Это глупо и по-детски. Думаю, сейчас ребята тебя так называют уже по привычке, а не вспоминают речовку.

Согласиться я с подругой не могла, однако решила закрыть эту тему:

– Мистер Ортега запретил мне брать блокнот на свой урок.

Изабель захихикала:

– Ну ничего себе. И как же ты будешь жить без одной из своих конечностей?

– Не знаю, и именно на химии. Как вообще это можно слушать?

– Мне нравится химия.

– Позволь перефразировать. Как это может слушать любой нормальный человек?

– Это ты себя называешь нормальной?

Я склонила голову перед Изабель, признавая ее победу.

Мы остановились у развилки сразу за зданием В. Розоватый скалистый ландшафт вдоль дорожки сегодня казался особенно пыльным. Носком красной кроссовки я откинула несколько камешков с дорожки.

Аризонский ландшафт способствовал сохранению водных ресурсов, но меня он вблизи мало вдохновлял. Чтобы придумать достойные блокнота строки, приходилось наблюдать за ним издалека. При этой мысли я подняла голову. Бежевые здания и толпы студентов были не слишком лучше камней.

– Так что, на ланч у нас имитация мексиканской еды? – спросила я Изабель, когда нас обошла компания Лорен и Саши.

Изабель прикусила губу, и на ее лице отразилось беспокойство.

– Габриель хочет встретиться со мной вне кампуса, у нас сегодня двухмесячная годовщина. Это ничего? Я могу отказаться.

– Точно, двухмесячная годовщина. Уже сегодня? Я оставила твой подарок дома.

Изабель закатила глаза.

– И что ты мне приготовила? Самодельную книгу о том, что парням нельзя доверять?

Ахнув, я положила руку на сердце.

– Это совсем на меня не похоже. К тому же та книга называлась «Как понять, что он эгоистичная свинья». Ну да ладно…

Подруга хихикнула:

– Но я ни за что не подарила бы тебе такую книгу, пока ты с Габриелем, – добавила я, подтолкнув ее локтем. – Он мне нравится. Ты же это знаешь, верно?

Габриель был милым и хорошо относился к Изабель. Ее предыдущий парень – Кейд Дженнингс, король дурацких речовок, – вдохновил меня на написание воображаемых книг.

Изабель все еще смотрела на меня с беспокойством.

– Конечно же ты можешь пойти на ланч с Габриелем, – улыбнулась я. – Не переживай за меня. Веселись.

– Ты можешь пойти с нами, если…

У меня был соблазн дать подружке закончить предложение и принять ее приглашение, просто чтобы подшутить над ней, но я избавила ее от страданий.

– Нет. Умоляю, я не хочу идти на ваш ланч в честь годовщины. Мне еще книгу писать… «Двухмесячная годовщина – начало вечности». Глава первая: «Через шестьдесят дней вы поймете, что все по-настоящему, если он вытянет вас из школьной рутины и отведет в „Тако Белл“».

– Мы не пойдем в «Тако Белл».

– Ой-ой, еще только первая глава, а для тебя уже все не очень хорошо складывается.

Темные глаза Изабель сверкнули.

– Шути сколько хочешь, но я думаю, что это романтично.

Я взяла руку Изабель и сжала ее:

– Знаю. Это здорово.

– С тобой здесь все будет в порядке? – Подружка показала на старшеклассников. – Может, тебе потусоваться с Лорен и Сашей?

Я пожала плечами. Эта идея меня не вдохновляла. Я сидела рядом с Лорен на химии, и иногда мы разговаривали. Например, когда она спрашивала у меня домашнее задание или просила убрать рюкзак с ее папки. А с Сашей мы не общались и вовсе.

Я взглянула на свой наряд. Сегодня на мне была просторная кофта на пуговицах, которую я нашла в комиссионном магазине. Я обрезала рукава, чтобы она стала похожа на кимоно, и повязала на талии коричневый винтажный пояс. На ногах – потрепанные красные кроссовки. Выглядела я странно, не модно, поэтому сразу выделялась среди таких, как Лорен, безупречно одетых в свои облегающие джинсы и коротенькие топы.

Я подняла блокнот и кивнула Изабель:

– Все нормально. Я воспользуюсь этим шансом и поработаю над новой песней. Ты же знаешь, дома мне редко удается остаться одной.

Изабель кивнула, и тогда я краешком глаза увидела его. И застыла.

Лукас Данэм. Он сидел на скамейке с другими старшеклассниками – толстовка застегнута, в ушах наушники – и смотрел в никуда. Будто присутствовал здесь лишь номинально. Знакомое чувство.

Изабель проследила за моим взглядом и вздохнула:

– Знаешь, тебе стоит с ним поговорить.

Я засмеялась, ощущая, как краснеют мои щеки:

– Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда я пыталась.

– Ты разнервничалась, вот что.

– Я ничего не могла сказать. Совсем ничего. Он, его потрясные волосы и хипстерская одежда напугали меня, – договорила я уже шепотом.

Изабель наклонила голову, рассматривая парня, будто была не согласна с моей оценкой его внешности.

– Тебе просто нужна практика, – улыбнулась она. – Давай начнем с того, по кому ты не чахла последние два года.

– Я не чахла по Лукасу… – Я сказала это очень тихо.

Я замолчала, когда Изабель смерила меня взглядом. Она была права. Я чахла. Лукас, наверное, был самым крутым парнем, которого я знала… ну, по правде говоря, я его не знала, но от этого он казался мне еще более крутым. Он был на год старше нас, носил темные длинные волосы и одевался как в футболки с изображением групп, так и в старомодные рубашки поло – из-за такого контраста я не могла отнести его ни к одной известной мне категории старшеклассников.

– Устроим двойное свидание со мной и Габриелем в следующую пятницу! – вдруг воскликнула Изабель. – Я найду тебе пару.

– Я пас.

– Ну же, Лил, ты давненько не была на свидании.

– Потому что я неуклюжая и странная, поверь, весело не будет ни мне, ни бедняге, который согласится со мной пойти.

– Неправда.

Я скрестила руки на груди.

– Тебе просто нужно встретиться с кем-то больше одного… или двух раз… чтобы парень увидел, какая ты забавная, – возразила Изабель, поправляя лямки рюкзака. – Со мной ты не ведешь себя неуклюже.

– Еще как веду, но тебя не гнетет перспектива неизбежного поцелуя со мной, поэтому ты с этим миришься.

Изабель, хохотнув, покачала головой:

– Я не поэтому с этим мирюсь. А потому, что ты мне нравишься. Нам просто надо найти парня, с которым ты сможешь быть самой собой.

Я положила руку на сердце:

– И в этот жаркий осенний день Изабель начала невозможный поиск поклонника для лучшей подруги. Бесконечный поиск. Который испытает ее решимость и веру. Доведет до грани безумия и…

– Прекрати, – остановила меня Изабель, слегка толкнув плечом. – С таким отношением это точно невозможно сделать.

– Именно это я и пытаюсь сказать, – усмехнулась я.

– Отклоняется. Вот увидишь, где-то есть для тебя подходящий парень.

Я вздохнула, и мой взгляд снова упал на Лукаса.

– Из, серьезно, меня все устраивает. Хватит об этом.

– Хорошо, хватит. Просто будь открытой с людьми, иначе можешь упустить то, что находится прямо перед тобой.

Я развела руки в стороны:

– Разве есть кто-то более открытый, чем я?

Изабель бросила на меня скептический взгляд и уже начала было отвечать, как вдруг издалека раздался громкий голос:

– А вот и она! Поздравляю с годовщиной!

Щеки Изабель залились румянцем, и она повернулась к Габриелю. Парень подбежал к ней и, обняв, приподнял над землей. Они шикарно смотрелись вместе – оба темноволосые, с темными глазами и оливковой кожей. Непривычно было видеть Габриеля в нашей школе. Он учился в старшей школе на другом конце города и ассоциировался у меня с внешкольными и выходными событиями.

– Привет, Лили, – поздоровался он со мной, как только опустил Изабель на землю. – Ты идешь с нами? – Его приглашение звучало искренне. Он

действительно был хорошим парнем.

– Да, здорово, правда? Услышала, что ты платишь, и сразу же согласилась.

Изабель засмеялась.

– Отлично, – ответил Габриель.

– Это была шутка, Гейб, – пояснила Изабель.

– Оу!

– Да, я же не убогая. – Хотя теперь я начала думать, что именно такой они меня и считали.

– Нет, конечно же нет. Просто я переживаю, что не предупредила тебя заранее, – улыбнулась Изабель.

Габриель кивнул:

– Это был сюрприз.

– Если продолжите нянчиться со мной, не успеете поесть. Идите. Веселитесь. И… эм… поздравляю. Я недавно читала книгу о том, что двухмесячная годовщина – начало вечности.

– Правда? Круто! – засмеялся Гейб.

Изабель же закатила глаза и шлепнула меня по руке:

– Будь хорошей девочкой.

И я осталась на дорожке в одиночестве наблюдать за учениками. Они болтали и смеялись. Изабель зря переживала. Я прекрасно чувствовала себя в одиночестве. Иногда я даже предпочитала его всему остальному.

Глава 2

Сидя на ступеньках школы с блокнотом на коленях, я рисовала. Добавила несколько цветочков на эскизе юбки, затем оттенила зеленым карандашом колготки. В ушах у меня были наушники, и я слушала песню группы «Блэкаут». Их вокалистка Лисса Примм – гениальный автор песен, которая поразила меня своими вишнево-красными губами, винтажными платьями и вездесущей гитарой, – была моим кумиром как в стиле, так и в музыке.

Я постукивала ногой в такт песне «Потянись увядшими лепестками и впусти в себя свет», которую мне так хотелось научиться играть на гитаре. Надо будет потренироваться.

Громкий звук мотора мини-вэна заглушил музыку, и я сразу поняла, что приехала моя мама. Я закрыла блокнот, засунула его в рюкзак и, вытащив из ушей наушники, встала. На заднем сиденье мини-вэна маячили головы моих братьев. Видимо, мама сначала забрала из школы их.

Стоило мне открыть пассажирскую дверь, как воздух наполнился старой песней «Ван Дирекшен», но сиденье оказалось занято маминым органайзером для бусинок.

– Можешь сесть сзади? – спросила мама. – По дороге домой мне нужно завезти клиентке бусы.

Она нажала кнопку, и боковая дверь отъехала в сторону, являя взору моих младших братцев, которые дрались из-за какой-то игрушки. На землю выкатился пластиковый стаканчик, и я в смущении оглянулась по сторонам. На парковке почти никого не осталось. Несколько ребят рассаживались по машинам, что-то крича своим друзьям. Похоже, на меня никто не обращал внимания.

– Прости, что опоздала, – добавила мама.

– Да ничего. – Я закрыла пассажирскую дверь и, украдкой подобрав стаканчик, похлопала брата по спине: – Подвинься, Второй.

Стряхнула с сиденья крошки от крекеров «Чиз-Ит» и села.

– Я думала, меня заберет Эшли, – сказала я маме.

Моей старшей сестре Эшли девятнадцать лет, и у нее есть своя машина. Она учится в колледже и работает, но до сих пор живет с нами, воруя у меня возможность иметь собственную комнату, поэтому ей приходится вносить свой вклад в семейные дела. Например, забирать меня из школы.

– Она сегодня работает допоздна, – напомнила мама. – Эй, ты жалуешься, что тебя забирает твоя суперклевая мамочка? – Она улыбнулась мне в зеркало заднего вида.

– А разве суперклевые мамочки употребляют слово «клевый»? – хихикнув, ответила я.

– Улетная? Бомбовая? Чумовая? – В самый разгар этого перечисления мама повернулась к брату: – Уайат, тебе десять, отдай игрушку Джоне.

– Но Джоне семь! Он всего на три года младше меня. Почему все должно доставаться ему?

В своих попытках отобрать у брата Железного человека Джона заехал мне локтем в живот.

– Все, теперь она моя, – рявкнула я и, отобрав игрушку, закинула ее в багажник, и мальчишки тут же возмущенно завопили.

Мама вздохнула:

– Ну и как это могло помочь?

– Мои внутренности братцу премного благодарны.

Братья перестали хныкать и захохотали – вот желаемый результат моей реплики.

Я взъерошила им волосы:

– Как дела в школе, ребятки?

Маму подрезал черный «БМВ», и она резко нажала на тормоза. Я потянулась, чтобы уберечь голову Джоны от удара о переднее сиденье.

Мне даже не нужно было смотреть на водителя, я и так знала, кто это был. И все же он сам и его слегка волнистые, идеально уложенные темные волосы попали в поле моего зрения. У Кейда была внешность соседского паренька: высокий, с широкой улыбкой и щенячьими карими глазками, – однако индивидуальность, к сожалению, в этот комплект не входила.

– Кто-то так и не научился безопасному вождению, – пробормотала мама, когда Кейд уехал.

Как бы мне хотелось, чтобы она ему посигналила.

– Он много чему не научился. – В том числе и слагать речовки в рифму.

– Ты его знаешь?

– Это Кейд Дженнингс. Но все зовут его Дженнингс-дебилингс. – Вот это легко запоминалось. Аллитерация. Магнит… Лили? Как им удалось это запомнить?

– Правда? – удивилась мама. – Как грубо.

– Нет, я пошутила, – пробормотала я. А стоило бы. Хорошо звучит.

– Кейд… – Мама задумчиво прищурилась.

– Изабель с ним встречалась. В восьмом классе.

А потом моей лучшей подруге пришлось выбирать, потому что мы с Кейдом постоянно грызлись. Конечно, Изабель говорила, что это произошло не по моей вине, но мне в это верилось с трудом. Половину времени я чувствовала себя

виноватой, а другую – считала, что спасла подругу от страданий.

– Мне показалось его имя знакомым, – сказала мама, поворачивая направо. – Он когда-нибудь приходил к нам?

– Нет.

Слава богу! Не сомневаюсь, что Кейд не упустил бы возможность поиздеваться над нашим постоянно захламленным домом. Когда в доме четыре ребенка, это превращается в катастрофу.

Однажды Изабель затащила меня к Кейду на его четырнадцатый день рождения. Когда он открыл дверь на наш стук, выражение его лица ясно дало понять, что мне здесь не рады.

«Какой прекрасный сюрприз на день рождения», – саркастично бросил он, направляясь обратно в дом, и мы с Изабель последовали за ним.

«Поверь, я тоже не хотела приходить», – парировала я.

Изабель поспешила догнать Кейда, а я тем временем замерла в холле. Его дом был огромным и ослепительно-белым, даже мебель и украшения были белыми. В моем доме от белого не осталось бы и следа.

Я медленно повернулась кругом, осматривая холл, и тогда Изабель выглянула из-за угла и спросила: «Ты идешь?»

Голоса братьев выдернули меня из воспоминаний и вернули в машину к семье. Теперь мальчишки дрались из-за пачки «Эм-энд-эмс».

– Я нашел ее под сиденьем, значит, она моя, – запищал Уайат.

Я достала блокнот и снова приступила к работе над эскизом юбки.

– Мам, мы можем купить черные нитки? – спросила я. – У меня закончились.

Мама свернула на главную улицу:

– Это может подождать до конца недели? Папа заканчивает работу.

Папа был дизайнером мебели, фрилансером. Объем его работы невозможно было предсказать, как и наш бюджет. Вообще-то, в моей семье все было непредсказуемым.

– Да, конечно, – согласилась я.

* * *

Дома я переступила через гору рюкзаков, которые валялись на проходе, и пошла в свою комнату.

– Забираю ноутбук, – оповестила я всех и взяла ноутбук со столика в коридоре.

Никто не ответил.

Я зашла в свою комнату… Точнее, лишь половина этой комнаты была моей. Чистая половина. Половина с образцами тканей и цветовой палитрой на стене, а не с вырезками статей из журналов о макияже и жизни знаменитостей. Хотя, надо сказать, иногда я заглядывалась на все это.

Эшли сейчас не было, поэтому я свободно плюхнулась на кровать и, зайдя на Ютьюб, начала искать обучающее видео на песню группы «Блэкаут». Эта песня была не очень известной, и я боялась, что ничего не найду. Пришлось пролистать несколько страниц, прежде чем я наконец нашла одно видео. Я поставила ноутбук на туалетный столик.

Моя гитара была припрятана под кроватью в тяжелом чехле – мера предосторожности. При наличии двух младших братьев это было необходимостью. Я достала чехол и открыла его. На эту гитару, мою детку, я зарабатывала полгода. Каждый вечер пятницы я присматривала за соседскими двухлетними близнецами, которые были самыми несносными из всех детей, с которыми я когда-либо сидела. А с учетом прозвищ, данных мной моим братьям, это говорило о многом. Но оно того стоило. Эта гитара была воплощением всех

моих мечтаний. У нее был идеальный звук, а когда я играла, то не ощущала себя такой неуклюжей, как обычно. Мне казалось, я была рождена для музыки. Все остальное вокруг просто исчезало. По крайней мере, на некоторое время.

Я уже установила пальцы для первого аккорда, как дверь в мою… нашу… комнату распахнулась.

– Лили! – воскликнул Джона, вбегая в комнату и останавливаясь возле меня. – Смотри! У меня зуб шатается. – Он широко открыл рот и языком надавил на правый верхний зуб, но тот даже не шелохнулся.

– Круто, приятель!

– Ладно, пока! – Братец удалился так же быстро, как и появился.

– Дверь закрой! – крикнула я вдогонку, но Джона либо не услышал, либо просто не захотел помочь.

Я вздохнула и, встав, закрыла дверь. После чего снова сосредоточилась на видео и на гитаре.

Спустя две минуты раздался стук в дверь, и появилась мама:

– Твоя очередь разгружать посудомойку.

– Можно я сначала закончу? – спросила я, кивнув на гитару.

– Я не могу начать готовить ужин, пока занята раковина, а раковина не освободится, пока занята посудомойка.

Я хотела выбить себе еще пять минут, но, взглянув на маму, передумала. Она выглядела более уставшей, чем обычно.

– Хорошо, сейчас приду.

Я закрыла глаза и сыграла еще один аккорд, позволяя вибрации нот проникнуть в руки. Все мое тело расслабилось.

– Лили, поторопись! – позвала мама.

Тьфу ты.

* * *

На следующее утро, перед школой, я заглянула на кухню, чтобы позавтракать. Мама уже отвезла Джону и Уайата и сейчас складывала в кладовой белье после стирки. Эшли все еще собиралась – на это у нее уходили часы, – а папа сидел за кухонным столом и читал газету.

Я достала из шкафчика коробку с хлопьями, а пока насыпала их в миску, заметила кое-что на стойке и покачала головой. На бежевом граните лежала пара бус, под ними листочки, и на каждом листочке стояло по две галочки.

– Нет, – сказала я.

Папа взглянул на меня поверх газеты:

– Просто проголосуй. Это же пустяк.

– Ты всегда так говоришь, а потом превращаешь это в большое событие. Кого из друзей ты заставил проголосовать в этот раз? – спросила я, потому что без меня было уже четыре голоса.

– Голосование – это привилегия. Никто никого не заставляет. Это просто развлечение.

– В таком случае голосую за оба варианта, бусы одинаково красивы.

– Нет. Ты должна выбрать.

– Чудаки. Когда вы с мамой так странно себя ведете, то не оставляете нам никакой надежды.

Я налила в миску молоко и села за стол. Папа до сих пор держал газету перед собой, словно читал ее. На самом же деле он пытался усыпить мою бдительность. Притворялся, что соревнование было пустяком.

– Ты ведь знаешь, что мама от тебя не отстанет, пока ты не проголосуешь, – проронил он.

– Конечно, – усмехнулась я. – Все дело в маме. Просто скажи, где твои, и я проголосую за них.

– Это же обман, Лил.

– Зачем ты начал эту традицию? Мама не лезет в твою работу и не пытается превзойти твою причудливую резную мебель.

Папа усмехнулся:

– Она наверняка бы победила.

Я съела ложку хлопьев и, чтобы сменить тему, спросила отца:

– Почему мы до сих пор покупаем газеты? Знаешь, ты мог бы найти те же новости в Интернете… например, вчера?

– Мне нравится держать слова в руках.

Я засмеялась, но резко замолчала, когда увидела кое-что на странице, развернутой перед отцом, и это изменило мое мнение о газетах.

Я сразу их полюбила.

Конкурс авторской песни. Выиграйте пять тысяч долларов и три недели интенсивного курса с самым лучшим профессором музыкального института

Гербергер. Более подробную информацию вы сможете найти на нашем сайте: www.herbergerinstitute.edu.

– Ты готова? – спросила Эшли, входя в кухню.

Она зевала, но, как всегда, выглядела идеально: узкие джинсы, розовая футболка с глубоким круглым вырезом и туфли на платформе, волосы убраны в хвостик, а макияж безупречен. Хотя внешне мы были похожи – те же длинные темно-рыжие волосы, карие глаза и веснушки, – стиль у нас был совершенно разный. Эшли хорошо бы вписалась в компанию Лорен и Саши из школы.

– Что? – Я растерянно моргнула. – То есть да. То есть, пап, можно я это возьму?

Папа посмотрел на свою тарелку с полусъеденным рогаликом и, пожав плечами, пододвинул ее ко мне.

– Фу, нет. Я имела в виду газету.

– Газету? Ты хочешь почитать газету?

– Да.

Эшли подошла к столу и взяла из его тарелки рогалик:

– Эй, это для Лили, – засмеялся отец.

– Нет, – возразила я. – Мне нужна газета, а не рогалик.

– Надо же, слышу это второй раз и все равно не верю, – пробормотал папа.

– Очень смешно, – огрызнулась я.

– Получишь газету, если проголосуешь, – усмехнулся отец.

Я закатила глаза и, отодвинув стул, пошла рассматривать бусы. На бусах справа были перья. Мама сейчас проходила фазу перьев. Обычно мне нравились ее

украшения, но эти перья были слишком хипповскими. Хотя другим они, похоже, нравились. Я подняла те, что слева:

– Вот победитель.

Папа вскинул кулак в воздух:

– Она проголосовала за мои, Эмили!

Я протянула руку. Папа отдал мне газету и, поцеловав в щеку, ушел искать маму.

– Смешно, они думают, мы не знаем, где чьи, – сказала Эшли. – Как будто результат всегда был бы таким.

– И не говори, – улыбнулась я. – Может, если мы каждый раз будем отдавать абсолютную победу маме, они прекратят это соревнование.

– Так лучше для папиного самомнения. А теперь давай отвезем тебя в школу, мелкая.

Я прижала газету к груди, обнимая слова, и последовала за сестрой. Я просто обязана написать замечательную песню и победить в этом конкурсе.

Глава 3

Было в химии что-то такое, что моментально оплавляло мой мозг. Может, сочетание скучного предмета, монотонно говорящего учителя и холодного сиденья. Интересно, было ли для этого некое химическое уравнение? Смешение этих трех факторов превращало мозг в кашу. Нет, не то. Мой мозг стал работать не медленнее, а, наоборот, интенсивнее. Гиперактивизировался. Из-за чего мне было сложно сосредоточиться на инертных словах, вылетающих изо рта мистера Ортега. Может, он говорил медленнее, чем обычно?

Сегодня, помимо всех обычных мыслей и слов, которые я теперь не могла записать в блокнот, в моей голове еще крутилась песня, которую я вчера научилась играть. Эта песня причиняла мне муки, ведь я ее и любила, и ненавидела. Любила, потому что она была великолепной, и мне хотелось написать столь же хорошую песню, а ненавидела из-за того, что она была великолепной и давала мне понять, что я даже близко никогда не напишу столь же хорошую песню.

Ко всему прочему я постоянно думала о конкурсе.

Как мне победить? Как мне вообще попасть на этот конкурс?

Карандаш завис над бумагой – единственным листком, который разрешил мистер Ортега. Если бы я записала песню, то освободила бы голову и сосредоточилась на лекции, но этот листок окажется перед мистером Ортега ровно через сорок пять минут. Сорок пять минут? Какой-то бесконечный урок. О чем он говорит-то? О железе. Что-то о свойствах железа. Я написала на листке слово «железо».

Мой карандаш, у которого будто появился собственный разум, вдруг перешел на деревянную парту и запечатлел там слова, что звучали в моей голове:

Потянись увядшими лепестками и впусти в себя свет.

Я добавила небольшой рисунок солнца, чьи лучи касались некоторых слов. И теперь осталось сорок три минуты.

* * *

Шагая по коридору, я писала в блокноте – даже имея за плечами большую практику, я так и не научилась делать эти две вещи одновременно, – как вдруг услышала смех.

Ошибочно решив, что смеются надо мной, я подняла голову.

Посреди коридора, крепко прижимая учебники к груди, стоял блондин – похоже, восьмиклассник, – и на его голове опасно раскачивалась бейсбольная бита. А

позади него стоял Кейд Дженнингс с вытянутыми по обе стороны от биты руками, как будто он только что ее отпустил.

– Брось мне мяч, – сказал Кейд своему другу Майку, который стоял напротив него и бедного восьмиклассника.

Майк выполнил просьбу, и теперь Кейд раздумывал, как бы дотянуться до верхушки биты, чтобы положить туда мяч. Парнишка все это время стоял, не смея шелохнуться.

– Мне нужен стул. Кто-нибудь найдите мне стул, – проронил Кейд, и все тотчас ринулись выполнять его требование.

Бита стала покачиваться сильнее, а потом сорвалась вниз и, несколько раз подпрыгнув на полу, подкатилась к шкафчикам.

– Чувак, ты пошевелился, – упрекнул Кейд восьмиклассника.

– Попробуй еще раз, – выкрикнул кто-то из наблюдающих.

Кейд сверкнул широкой улыбкой. Зубы у него были идеальными. Зная ее силу, он частенько ее использовал. Я нахмурилась. Кажется, только я не поддавалась ее обаянию.

Мне дико не хотелось привлекать к себе внимание, но я знала, что должна помочь бедному парню.

Вот только что я могла сделать? Благодаря Кейду Дженнингсу я сама была в центре нежелательного внимания…

Мне вспомнился урок физкультуры в восьмом классе. Я не была одной из тех девушек, которые считают, что ужасны во всем. Но тем не менее знала свои слабости, и физкультура была одной из них. А баскетбол считался высшим пилотажем, поэтому я изо всех сил старалась держаться подальше от мяча.

По какому-то злому року мяч постоянно летел в меня. Как от моей команды, так и от команды соперников. И я никак не могла его поймать. Я будто оказалась в

игре в вышибалу, где была единственной целью. Я получила удары в плечо, в спину, в ногу.

И вот тогда Кейд, сидевший на трибунах, прокричал во всеуслышание: «Она словно обладает энергетической силой, которая притягивает к ней мяч. Черная дыра. Магнит. Лили Эбботт – Магнит».

Последнее предложение Кейд произнес голосом диктора. Он будто превратил меня в какого-то неуклюжего супергероя. И все в зале, посмеиваясь, стали повторять за ним это прозвище.

Ребята все смеялись и смеялись, и этот смех навсегда застрял в моих ушах, по-видимому, как и прозвище Магнит в их головах.

И теперь в коридоре снова звучал этот смех, но направлен он был на последнюю жертву Кейда.

– Ой, смотрите, – произнесла я, прочистив горло, – игра на определение, кто более бестолковый: Кейд или его бита. – И я кивнула в сторону, намекая парнишке, чтобы тот поскорее убирался отсюда, пока Кейд отвлекся на меня.

Кейд осмотрел меня с головы – волосы под его пристальным взглядом тут же показались мне более непослушными, чем обычно, – до скинхедов с разными шнурками, и его улыбка стала в два раза шире.

– Ой, смотрите, индикатор веселья. Ну как, весело здесь, Лили?

– Вижу, весело здесь только одному человеку.

Парень обвел взглядом коридор, битком набитый учениками.

– Тогда ты невнимательно смотришь. – Он понизил голос. – А… понял. Ты никого, кроме меня, не видишь, да?

Если бы я показала Кейду, насколько раздражена, то победа осталась бы за ним.

– Я здесь, чтобы спасти еще одну душу от твоего высокомерия, – процедила я сквозь зубы.

Хотя, возможно, я вовсе никого и не спасала. Парнишка даже не сдвинулся с места. Я дала ему отличную возможность сбежать, а он все еще стоял здесь. Более того, он произнес:

– А что, если сначала положить мяч на биту, а потом поставить ее мне на голову?

Кейд похлопал его по спине:

– Отличная идея. Где бита?

Я вздохнула – не надо было вмешиваться, очевидно, парнишке нравилось насилие – и продолжила свой путь.

– В следующий раз приходи пораньше. Нам бы не хотелось, чтобы все вышло из-под контроля, – крикнул Кейд, поднимая новую волну смеха.

Меня захлестнул гнев, и я обернулась:

– Ты когда-нибудь слышал об аллитерации? Так вот, поинтересуйся на досуге.

Да, жалкий ответ. Аргумент, который он даже не поймет, но другого у меня не было. Народ вокруг засмеялся еще сильнее. Я повернулась и собрала все свои силы, чтобы отойти от них не спеша.

Глава 4

– Я решила участвовать в конкурсе авторской песни, – сообщила я с улыбкой.

Рука Изабель зависла над пижамой.

Был вечер пятницы, и мы собирались смотреть у нее дома ужастики. Я со вчерашнего дня прокручивала в голове эту новость и вот теперь ее озвучила. А это означало, что мне придется довести дело до конца. И я это сделаю.

– Правда? – Голос подружки отдавал скептицизмом.

Я упала на ее большую кровать и вперила взгляд в постер Эйнштейна, который был приколот к потолку. Меня всегда интересовало, как Изабель могла спать, когда он вот так взирал на нее сверху? Мне, например, это давалось с трудом.

Но я все равно любила ночевать у Изабель. Она была единственным ребенком, так что ее дом для меня являлся оазисом спокойствия. Мы ужинали с ее родителями – сегодня вкусными домашними тамале с рисом и бобами, – затем поднимались в ее огромную комнату с собственным раскладным диваном, телевизором и мини-холодильником для диетической колы и мороженого.

– Думаешь, у меня не получится? – хмурясь, спросила я.

– Дело не в этом, Лил. Уверена, у тебя замечательные песни, – ответила Изабель, доставая из комода пижаму. – Но я бы сказала тебе это наверняка, если бы ты хоть одной поделилась со мной, своей лучшей подругой на всем белом свете.

Я застонала:

– Знаю. Прости. У меня еще нет законченных.

– Ты всегда так говоришь. Как ты собираешься участвовать в конкурсе, если даже со мной поделиться не можешь?

Я закрыла лицо руками:

– Не знаю.

Изабель присела ко мне на кровать:

– Прости. Лил, я знаю, что ты можешь это сделать. Тебе просто нужно поверить в себя.

– Спасибо, мам, – отмахнулась я.

– Не ерничай. Я пытаюсь тебе помочь.

Я убрала руки с лица и посмотрела на Изабель:

– Знаю.

– Расскажи мне о конкурсе, – попросила подружка.

Я приподнялась на локти:

– Он проводится институтом Гербергер.

Изабель ахнула, и ее темные глаза расширились.

– Вау. Это очень престижно, Лил!

Я кивнула и нервно потянула секущийся волосок.

– Знаю. Там приз пять тысяч долларов… конечно, было бы здорово его получить, но еще лучше получить трехнедельный курс лекций одного из профессоров.

Изабель улыбнулась:

– Это колоссально. Профессор ведь может помочь с приемом в университет, да?

Я кивнула. Я старалась особенно об этом не думать. Победа в этом конкурсе не только позволит мне оплатить колледж, что не могут себе позволить мои родители, но поможет поступить на музыкальное отделение, о чем я мечтала много лет.

– Дай же мне что-нибудь прочитать. Текст хотя бы одной песни… – Изабель показала на зелено-фиолетовый блокнот, который лежал на моей сумке на полу.

Меня накрыла волна смущения, и я пожала плечами:

– У меня есть парочка идей, но мне нужно их доработать. Я правда хочу с тобой поделиться, только не сейчас.

Подружка закатила глаза и встала, чтобы переодеться в пижаму:

– Трусиха.

Я бросила в нее своим носком и снова опустилась на кровать – перед глазами предстал постер. Она была права. Я была трусихой.

– Думаю, Эйнштейн меня осуждает.

– Возможно. Может, он посмотрел твой блокнот?

Я хихикнула и полезла в сумку за своей пижамой.

Изабель сменила тему:

– Один фильм или два? – Это был наш способ узнать, как долго мы собираемся не спать.

Я улыбнулась:

– Два. У нас впереди вся ночь.

* * *

Под утро зазвонил телефон, и я в дезориентации села на раскладном диване Изабель. Экран телевизора горел синим, а сквозь щели жалюзи сочился слабый утренний свет. Телефон перестал жужжать, а через десять секунд вновь ожил.

– Алло? – сонно ответила я.

– Лили. – Это был папа. – Сегодня у твоего брата последний футбольный матч. Ты говорила, что хочешь сходить на один. Это последняя возможность.

– Во сколько?

– В восемь. Через полчаса.

Я зевнула. Мы с Изабель не спали до трех ночи, но я попыталась взять себя в руки:

– Да, я хочу пойти.

– Хорошо, заберу тебя по пути через двадцать минут.

– Спасибо.

– Кто звонил? – простонала Изабель с кровати, после чего села. Ее обычно идеально завитые черные локоны плотно облепили голову.

Я попыталась укротить свои волосы, которые по утрам всегда больше походили на безумные кудри, чем на мягкие волны.

– Папа. Ложись спать. Мне надо бежать.

– Что? Почему? А как же блинчики?

– В следующий раз. Я забыла, что сегодня у Второго футбольный матч.

– Они у него постоянно.

– В этом году я еще ни на одном не была. Я обещала ему сходить.

С уже закрытыми глазами Изабель плюхнулась обратно на подушку:

– Ладно. Увидимся в понедельник.

Глава 5

Я увидела Изабель в понедельник на четвертой минуте урока. Я достала книгу, карандаш и единственный листок бумаги. Мистер Ортега начал урок. Мой взгляд упал на слова песни, написанные мною в пятницу на парте, и вот тогда-то я увидела дописанную угловатым почерком строчку:

Ведь скоро ночь наложит свои тени.

Это следующая строчка песни. Что? Я пришла в замешательство. Кто-то из школы слышал одну из моих любимых песен в стиле инди? Очевидно, не мне одной было скучно на этом уроке.

Я улыбнулась и быстро написала ниже:

«Блэкаут» рулят. Когда вырасту, я хочу быть Лиссой Примм. Впечатлена, что ты их знаешь.

Интересно, как часто моют эти парты? Вероятно, мое сообщение даже не дойдет до адресата. Ну да это и неважно – меня радовало уже то, что у кого-то еще в моей школе отличный музыкальный вкус. Знала ли я этого человека? Моррис Хай – школа не маленькая, но этим классом пользовались только десятиклассники, так что Лукас, о котором я сразу же подумала, исключался. Да, он мог слушать такие же малоизвестные группы, как и я, но он был выпускником. Я просто приняла желаемое за действительное. Маловероятно, что я знала своего адресата.

Мистер Ортега. А что, если это написал он? Мистер Ортега – фанат группы «Блэкаут»? От этой мысли я рассмеялась. Громко. Тут же бросила взгляд на учителя, но он что-то рассказывал, поэтому, к счастью, кажется, не заметил мой выплеск эмоций.

Чего нельзя сказать о Лорен. Она-то точно заметила. Это было видно по ее лицу – в ее взгляде явно застыл немой вопрос «Почему ты такая странная?». Мне хотелось рассказать ей, что я представила танцующего мистера Ортега, но навряд ли это бы что-то изменило. Кроме того, я уже усвоила урок о вырванных из контекста фразах, поэтому просто пожала плечами.

И снова посмотрела на надпись на парте.

Остаток урока прошел немного быстрее, чем обычно.

* * *

Я догнала Изабель в коридоре.

– Почему ты так улыбаешься? – спросила она.

– Я всегда улыбаюсь.

Она хихикнула:

– Ладно, согласна, ты много улыбаешься, только обычно не в школе.

– Это потому, что старшая школа – дробилка для душ.

– Не драматизируй, – пожурила она.

– Как скажешь, – засмеялась я. И все-таки Изабель была права. Сейчас я чувствовала необыкновенную легкость и могла думать только об одном. – Помнишь группу, о которой я тебе рассказывала? «Блэкаут»?

Мы остановились у шкафчика Изабель, и она достала из рюкзака несколько учебников и убрала их внутрь:

– Нет. Что они поют?

Я негромко напела пару строчек одной из песен, но Изабель ее не узнала, тогда я переключилась на другую.

– Нет? – Я несколько раз играла подружке эти песни. Удивительно, что она не помнила.

– Прости, но тебе нравится странная музыка, – с улыбкой произнесла Изабель, закрывая шкафчик.

– Думаю, ты имела в виду потрясающая музыка, ну да ладно.

– А что с этой группой?

– Кто-то еще о ней знает.

– Ну, ради их же блага, хотелось бы надеяться, что ты не единственная их фанатка.

Я улыбнулась:

– Нет, в смысле, кто-то здесь, в школе. Мы обменялись парой строчек на парте. Это было круто.

– Ты писала на парте? Нарываешься на неприятности?

Я вздохнула. Изабель не понимала важность моего открытия.

В другом конце коридора раздался громкий смех, и я обернулась – там стоял Кейд со своей компанией, а за его руку держалась Саша, единственная девушка среди них. Должно быть, они сейчас встречались. Смею предположить, что это ненадолго.

Сейчас у Кейда, похоже, каждую неделю новая девушка. Он пялился в телефон, а Саша ему что-то увлеченно рассказывала, и я снова вспомнила вечеринку в честь его дня рождения.

После того как Изабель прервала мои восхищения холлом в его доме, я прошла за ней на кухню, которая была как минимум в три раза больше моей. Стол был уставлен серебристыми мармитами с едой, с которых снимали крышки люди в белых пиджаках и галстуках-бабочках. Кто отмечает свой четырнадцатый день рождения с кейтерингом? Кейд прислонился к дальней стойке и копался в телефоне, ему словно было плевать на собственную вечеринку. В тот день Изабель держалась за его руку, а он ее игнорировал. Спустя минуту она что-то ему прошептала, и Кейд раздраженно, будто ему помешали, убрал телефон в карман, но уже в следующую секунду на его лице заиграла фальшивая улыбка, и он сказал: «Ешьте, пока горячее». Я кивнула на подносы и ответила: «Большинство людей угощают пиццей и тортом». Тогда он взглянул на меня со свойственным только ему самодовольным высокомерием и произнес: «Я не большинство».

В ответ я буркнула что-то грубое, вроде «слава богу».

– Ты не можешь просто игнорировать его? Быть милой? – взмолилась Изабель.

В тот день я не могла игнорировать Кейда, не после того, как он пренебрег подругой. Но сегодня я собиралась доказать ей, что могла это сделать. Мы направились в сторону Кейда, к единственному выходу из здания, и я твердо решила не реагировать ни на какие оскорбления, которые он бросит в мой адрес. Но парень просто улыбнулся Изабель своей ослепительной, самоуверенной улыбкой, даже не заметив меня. Подружка улыбнулась ему в ответ. Сообразив, что впиваюсь в него взглядом, я расслабилась. Надо держать рот на замке. А это оказалось сложнее, чем я думала.

– Впечатляет, – сказала Изабель, когда мы вышли на улицу.

– Что? Я вела себя как всегда, – буркнула я.

Она хихикнула:

– Но ты же заметила, что Кейд тоже вел себя цивилизованно? Видишь, что бывает, когда ты милая?

– Да…

Подождите, что? Изабель намекала, что это я всегда начинала ругаться с Кейдом? В большинстве случаев это он все начинал.

Я вздохнула. Я рассуждала как мой семилетний брат. Может, подружка и права. Если я буду выше этого, Кейд, по крайней мере, оставит меня в покое. Мне нравилась эта мысль – Кейд оставит меня в покое. Мы оставим друг друга в покое. И тогда находиться в школе станет куда приятнее.

Глава 6

Я села в машину Эшли, которая ждала меня в зоне, где парковка запрещена:

– Привет.

– Приветик, – улыбнулась сестра. – Как дела в школе?

– Без изменений. – Сначала я хотела рассказать ей о послании на парте, но потом передумала. Если для Изабель это не имело значения, то для Эшли уж и подавно.

Она подождала, пока перед нами пройдет компания девушек, и поехала вперед:

– Когда я ходила в школу…

– В прошлом году, – прервала я.

– Да. Мне приходилось ездить домой на автобусе или просить маму забрать меня на мини-вэне.

– На прошлой неделе мама забирала меня на мини-вэне.

– Ну а меня каждый день. Каждый день, Лили. И мне все равно удалось завести кучу друзей. Тебе повезло, что я купила машину. Хорошую машину, которая не поставит тебя в неловкое положение.

Эшли частенько высказывала мне это по дороге домой, и я уже исчерпала все правдивые ответы.

– Да, мне очень повезло. Спасибо, Эшли. Как мне тебе отплатить?

Я прислонилась головой к окну. Интересно, заметит ли она, если я подремлю.

– Может, мне стоит подольше работать в магазине кампуса, чтобы ты испытала настоящую пытку мамой каждый день. – Эшли вздохнула и взглянула в зеркало заднего вида. – Она однажды секунд десять сигналила, пока я ее не увидела. А в другой раз заставила меня отвести Джону в уборную, и тот всю дорогу кричал, что вот-вот надует в штаны.

Я засмеялась.

– Тебе кажется это смешным, потому что это случилось не с тобой.

– Мне кажется это смешным, потому что у меня есть и свои истории, Эшли. Ты не единственная в этой машине, у кого есть братья, сестра и странная мама.

– В этой отличной, почти новой машине.

– Да, она – высший класс. Совершенство. И такая красивая. Как называется этот цвет? Синий кобальт или арабские ночи?

– Никакой благодарности.

Я улыбнулась, и Эшли включила радио. У нас были совсем разные вкусы в музыке. Когда сестра увидела, как я поморщилась, то широко улыбнулась и, открыв окно, прибавила громкость.

* * *

– Что это? – спросила Эшли, бросая ключи в блюдце на стойке, когда мы вошли на кухню.

Поскольку я шла за ней, то не видела, что она имела в виду. Стоило мне отойти в сторону, чтобы взглянуть, как у меня мимо ног промчался белый пушистый комок, за которым гнался Уайат. Эшли вскрикнула, и я, с опаской взирая на пол, сбросила рюкзак и запрыгнула на стойку спиной к шкафам.

– Кроличье мясо, – со смешком ответила мама из-за стола, где она нанизывала бусинки на проволоку – мастерила нечто похожее на сережку.

– Кроличье мясо? – переспросила Эшли. – В смысле, мы будем его есть?

– Нет, конечно нет. Я спасла его от этой участи. Мальчикам нужно научиться ответственности, поэтому я взяла им домашнее животное.

Я слезла со стойки:

– А чем плоха милая обычная собачка?

Кролик вернулся на кухню, и Уайат с улыбкой подхватил его. Рядом с ними возник Джона и принялся гладить кролика.

– Он ведь живет на улице, правда? – спросила я.

– Да, – ответила мама, с помощью плоскогубцев загибая проволоку. – Мы выпустили его немного размяться.

– Ну конечно. – Я подобрала рюкзак и взяла из миски на стойке яблоко.

– Это существо отвратительно. У него розовые глаза, – высказалась Эшли, так и не сдвинувшись с места.

– Он милый, – заспорил с ней Уайат.

Когда я подошла к спальне, дверь в нее была приоткрыта. Плохой знак. Толкнув ногой дверь, я осмотрелась. На стороне Эшли, как обычно, на полу валялись джинсы, но в остальном комната выглядела как прежде. Я скинула красные кроссовки и, убрав их в шкаф, откусила яблоко. И только направилась к гитаре, как наступила на что-то влажное. Я подняла ногу и увидела что-то похожее на

горстку изюма. Кроличьи какашки!

– Кошмар! – взвизгнула я.

– Что? Кто умирает? – спросила мама, когда я с безумным взглядом ворвалась на кухню.

– Кролик, если можно так сказать. Это существо нагадило в моей комнате. Что он в ней делал? Ты можешь держать мальчишек подальше от моей комнаты?

– Да, извини. – Мама встала и пошла, как я надеялась, либо убирать какашки, либо заставлять это делать Уайата.

Я услышала шум, доносившийся с заднего двора и открыла дверь. Там в черной металлической клетке сидел кролик. Это был не пушистый маленький комочек, а большой, уродливый кролик. Он поднялся на задние лапки и понюхал воздух.

– Да, нюхай, – сказала я кролику. – Это запах твоего врага. Хорошенько вдохни. Мы не друзья. – Скорее всего, он просто учуял яблоко, которое я до сих пор держала в руке, а не меня. Я откусила кусочек и бросила его в клетку, посылая сигнал, прямо противоположный моей речи. – Держи ухо востро.

– С кем ты разговариваешь? – спросила Эшли.

Я закрыла дверь и повернулась к ней:

– Ни с кем.

– Тебе пора с этим завязывать. – Сестра прошла мимо меня к нашей спальне.

Вот тебе и потренировалась!

Глава 7

На следующий день на химии меня ожидало еще одно сообщение. Под моими словами: «Блэкаут» рулят. Когда вырасту, я хочу быть Лиссой Примм. Впечатлена, что ты их знаешь — было написано:

Извини, но я хочу ей быть. Рисунок смайлика с кривой улыбкой. Слушала «Крукед Брукс»? Лучшие. Быть. Не. Может.

Я никогда раньше не слышала о «Крукед Брукс». Наверное, это название группы или песни. Мы разошлись во мнениях.

Но мой друг по переписке оставил первую подсказку: это девушка. Только это не помогло сузить круг подозреваемых. Если уж на то пошло, я ощутила себя еще более растерянной.

Когда мистер Ортега повернулся ко мне спиной, я написала:

Нет, надо послушать.

Ответ занял то небольшое пространство, что осталось на правой стороне парты, единственное место, где я могла еще писать. Похоже, до следующей генеральной уборки классов я уже не смогу отвлекаться от уроков химии.

Мое внимание привлекла дырочка в манжете блузки. Шов разошелся. Вот тебе риск покупок в комиссионных магазинах. Раньше я дырку не видела. Придется зашивать. Я дважды закатала рукав, чтобы скрыть дырку, и то же самое проделала со вторым рукавом.

– Не стоит вот так писать на парте, – прошептала моя соседка Лорен.

Она читала переписку. Мне хотелось прикрыть текст от нее, но это казалось глупым. Любой желающий мог подойти и прочесть его.

– Это всего лишь карандаш. Он стирается. – В доказательство своих слов я стерла первую букву самого первого своего сообщения. – Видишь?

Девушку, похоже, это успокоило, и она вернулась к своим записям. Я тоже попыталась записывать, но только что стертая буква «П» отвлекала меня. Я снова ее написала и сосредоточилась на том, что говорил мистер Ортега.

* * *

Я ненавидела газеты. Газеты, которые оповещали меня о конкурсах. Нет, я ненавидела конкурсы. У меня не было ничего. Даже меньше, чем ничего. В моем блокноте, с которым я таскалась повсюду, записывая туда интересные слова, не было песен. Конечно, у меня имелось несколько действительно хороших строчек, много отдельных слов и идей для песен. Ну, идей – громко сказано. О чем я только думала, когда писала песню про то, как было бы круто, если бы на деревьях жили монстры? Монстры на деревьях? Я и правда думала, что в этом блокноте что-то было достойно конкурса песен?

– Почему ты стонешь? – спросила Эшли с водительского сиденья. Она подвозила меня до школы.

Я почти всю ночь просматривала блокнот. Хорошие строчки для песни магическим образом не появились.

Я подняла голову. Сестра как раз остановилась перед школой.

– Я не специально.

– Кажется, ты многое делаешь не специально. Может, стоит попытаться как-то сдерживать себя? Тогда и друзей у тебя было бы больше.

– Спасибо, Эшли. Хороший совет.

Я потянулась к ручке, и в этот момент перед машиной Эшли прошла компания учеников, среди которых был и Кейд. Он проскользил по капоту, приземлился по другую сторону автомобиля и подмигнул сестре.

Эшли от удивления открыла рот.

– Кто этот высокомерный придурок?

– Никто.

Сестра трижды нажала на гудок.

– Эшли, прекрати.

– Эй! – опустив окно, крикнула она Кейду. – Это было очень грубо.

Я выскочила из машины:

– Увидимся позже.

Я ушла под непрерывный поток брани моей сестры. Я старалась не улыбаться, но было смешно в кои-то веки услышать, как кто-то посылает Кейда. Казалось, в этой школе никто на такое не был способен. Парень повернулся к ней с самодовольной улыбкой, будто на самом деле слушая ее. Я ускорила шаг, чтобы он меня не заметил.

Но через минуту услышала позади себя голос:

– Вижу, это у вас семейное.

Кейд побежал, только чтобы догнать меня и сказать это?

– Наши чувства к тебе? – спросила я, забыв, что должна его игнорировать. – Да, наверное, это генетическое.

– Слышал, от такого есть лекарства.

Я склонила голову:

– Правда? Ты продаешь таблетки от кейдораздражения? Вот как твои друзья с ним справляются?

– Нет, я имел в виду твои проблемы, но…

Я приподняла брови:

– Да, я выиграла этот раунд.

– И каков счет: три против двух сотен моих?

– Ты ведешь счет?

– Всегда. – С этими словами Кейд отошел от меня и присоединился к своим друзьям.

Оно того не стоит, мысленно повторяла я снова и снова, пока Кейд не убрался с моих глаз. Челюсть пронзило болью, и я поняла, что крепко стиснула зубы. Я сделала глубокий вдох и попыталась расслабиться. Но вышло это, только когда я увидела, что в двадцати шагах от меня идет Лукас. Наблюдая за его небрежной походкой, я буквально ощутила, как напряжение покидает тело.

Но Лукаса опередила Изабель. Она помахала мне с небольшого холмика и помчалась вниз, ее темные кудри подпрыгивали при каждом движении.

К тому времени, как она поравнялась со мной, я уже забыла о Кейде. А так как я по-прежнему притворялась, что его не существует, то не собиралась рассказывать подружке о случившемся. Я гордилась тем, что сумела удержать язык за зубами.

– Привет, – сказала Изабель, взяв меня под руку. Ее пластмассовые браслеты звякнули.

– Привет, – ответила я.

– Удивлена, что он не почувствовал, как ты прожигаешь дыру в его затылке.

– Что? Кто?

– Смешно. Будто ты не знаешь, на кого пялилась.

Мои щеки покраснели, а взгляд вернулся к Лукасу, который уже почти дошел до шкафчиков на другой стороне кампуса.

В попытке сменить тему я хотела было спросить у Изабель, закончила ли она делать задание по истории, но перед нами с громким визгом бросились друг на друга четыре девятиклассницы. Они обменялись закрытыми стаканчиками из «Старбакса». Меня это озадачило, и тогда Изабель прошептала:

– Каждая покупает утром напиток, а потом они меняются.

– Зачем?

– А почему бы нет? Это весело. – Мы обошли их. – Нам тоже нужен утренний ритуал.

Я указала на девушек:

– Такой?

– Не обязательно. Просто что-то, что мы будем делать или говорить каждое утро при встрече, чтобы начать день правильно.

– Хм…

– Рукопожатие? – предложила Изабель.

Я приподняла брови:

– «Привет» последние три года вполне подходило.

– Но они такие милые, – запротестовала Изабель, кивая на хихикающих девушек.

– А мы для тебя недостаточно милые?

– Нет. Недостаточно, – с улыбкой ответила подружка.

– Вот я только вчера перед сном подумала, как же хочется, чтобы у нас с Изабель была утренняя традиция. Тогда наша дружба стала бы куда милее.

– А я вчера перед сном подумала, как же тебе, засранке эдакой, повезло иметь такую лучшую подругу, как я.

– Очень повезло, – хмыкнула я.

У Изабель округлились глаза.

– Вот оно! Это наша традиция!

– Каждое утро говорить, какая ты потрясающая и как мне повезло?

Изабель покачала головой:

– Нет… ну, это мы тоже можем делать. Но как насчет того, чтобы первым делом говорить с утра последнее, о чем мы думали перед сном накануне?

– Не выйдет, – усмехнулась я. – Ты просто каждое утро будешь говорить: «Габриель». Ты так часто будешь произносить его имя, что вскоре я решу, будто меня зовут Габриель.

– Не будет такого. – Изабель выпятила нижнюю губу. – Ладно, полагаю, нам не нужна традиция. Кстати говоря о Габриеле, он хочет погулять с нами на выходных. Ты же пойдешь, верно?

Я потянула лямки рюкзака:

– Мы же вроде решили: никакого сводничества.

– Нет, это не сводничество. Просто погуляем небольшой компанией. Кое-кто из его друзей и мы.

Я недоверчиво нахмурилась:

– И чем мы займемся?

– Пойдем на картинг.

Крытый трек не дешев. Я подсчитала, сколько денег накопилось у меня в банке в шкафу. После того как я купила гитару, мама близнецов наняла няню на полный рабочий день, и я осталась без постоянного источника дохода. Временами я за деньги помогала маме на ярмарках, но последняя такая подработка была давненько.

Я не могла вспомнить, потратила ли все деньги в прошлый раз, когда мы ходили в кино с Габриелем и его друзьями.

– Ладно, согласна. Поговорю об этом с мамой. Звучит весело. – И я захлопала в ладоши.

– Звучит потрясающе, – поправила меня Изабель. – Прозвенел звонок. – Увидимся за ланчем. Если, конечно, ты не помрешь на химии.

– Я рискую каждый день.

– Я в тебя верю.

– Из! – крикнула я, когда подружка отошла уже шагов на десять.

Она обернулась:

– Да?

– Нам не нужны никакие вычурные традиции. Мы вместе, ты и я.

Глава 8

В этот раз я умру не от скуки, а от шока.

На химии под моим последним сообщением была нарисована стрелочка. Она указывала вниз, к краю парты. Будто там, внизу, что-то было. Мои глаза расширились. Под партой что-то есть? Я глянула на пол, но увидела только свои красные кроссовки.

Что, если…

Послеживая за мистером Ортега, я провела рукой под партой и, предположительно наткнувшись на пожеванную жвачку, испытала отвращение. Гадость какая!

Я столкнула карандаш на пол. Пододвинула его к себе ногой и, нагнувшись, осмотрелась вокруг. И конечно же в месте соединения металлической ножки с партой был воткнут сложенный вчетверо листочек. Я быстро схватила карандаш и бумажку, выпрямилась, и к лицу моему прилила кровь.

Как можно тише развернула листок и разгладила его. Казалось, будто это самое обычное дело на свете обменяться записками с кем-то неизвестным.

Уже послушала «Крукед Брукс»? Как тебе? Может, для тебя слишком мрачно? Это своего рода депрессивная группа. Но думается, если тебе нравятся «Блэкаут», то могут понравиться и они. Иногда, когда я слушаю депрессивные песни, мне кажется, что моя жизнь не так уж плоха. Реверсивная психология или что-то типа того. Ха! Ну, надеюсь, эта записка отвлечет тебя хотя бы на минуту. А на ответ уйдет еще парочка. Тогда останется всего лишь… вечность до конца урока. Сочувствую.

Я хихикнула. Значит, моя подруга по переписке любила «Блэкаут» и ненавидела химию. Да мы родственные души. Я перевернула листок, пытаясь решить, что написать в ответ. Ух ты, это будет мое третье письмо ей.

Совершенно неосознанно я завела милую традицию с незнакомкой. Малость попахивало обманом. Нет, это не обман. Я уже рассказала об этом Изабель. И это даже не настоящая дружба. Это развлечение. Кроме того, у Изабель ведь есть другие друзья. И у меня могла быть анонимная подруга по переписке. Анонимные друзья – идеальный вариант для меня.

Пока что мне не выпал случай послушать «Крукед Брукс». Жизнь дома немного… сумбурная. Послушаю при первой же возможности. Я целиком и полностью за музыку, от которой моя жизнь покажется лучше. И да, «Блэкаут» депрессивны, но не только. Возьмем, к примеру, восьмой трек в «Голубом альбоме». Я никогда не ощущаю себя более живой, чем когда слушаю эту песню. Я словно летаю. Парю над своей жизнью и смотрю на нее сверху. Эти небольшие перерывы облегчают жизнь по возвращении в реальность, как-то так. Как бы то ни было, мне лучше вернуться к отупляющей скуке.

С мгновение я не могла поверить, что написала это незнакомке. Даже подумывала не засовывать записку под парту. Но все-таки сделала это по двум причинам. Первая: во время разговоров о музыке я всегда открывалась собеседнику больше, чем в любой иной ситуации. Люди, которые ценят музыку так же, как я, наверняка понимают это. И я чувствовала, что моя подруга по переписке тоже поймет. Вторая: анонимность давала некую свободу. Когда в конце не надо подписываться своим именем, многое можно рассказать. И я не подписалась.

Я засунула записку обратно под парту и стала записывать за учителем, ведь мистер Ортега в конце каждого урока все еще просматривал мою тетрадь.

Очевидно, я все равно чувствовала себя слегка виноватой, потому что за ланчем выпалила Изабель:

– Она написала мне письмо.

Изабель, славящаяся радикальной сменой тем для разговора, меня не поняла:

– Что?

Мы шли от лотков с едой, неся на подносах буррито и газировку. Изабель любила брать «имитацию мексиканской еды», как она ее называла, хотя ее отец готовил самую лучшую настоящую мексиканскую еду в мире. Может, такова ее форма подросткового бунта?

– Помнишь, я тебе рассказывала о переписке с той девчонкой на химии, – пустилась в объяснения я, когда мы устремились во двор, – которой нравится та же группа, что и мне?

– Да, – ответила Изабель. – Я думала, это парень.

– Нет, она написала, что хочет быть Лиссой Примм, когда вырастет.

– Кто такая Лисса Примм?

– Солистка «Блэкаут».

– Ах, как мило, ты нашла нового друга по переписке. Вы обе как один человек. – Изабель подтолкнула меня бедром.

– Две меня? – захихикала я. – Наша школа этого не выдержит.

– Это точно.

– В общем, в этот раз она оставила мне под партой письмо подлиннее, и я ответила.

Изабель остановилась:

– Как думаешь, кто она?

– Не знаю.

– Тебе не интересно? Может, ты ее уже знаешь. И очевидно, ты найдешь с ней общий язык. – И подружка осмотрела двор. Ученики сбились в группы по классам; они ели, смеялись и бросались друг в друга смятыми салфетками. Я

заметила Лукаса, который сидел с друзьями, и постаралась не пялиться на него. Ведь в последний раз это заметила Изабель. – Мы должны это выяснить.

– Нет. – Я знала, что было глупо беспокоиться о том, что обо мне думают другие, но ничего не могла с этим поделать. Я боялась, что если эта девочка узнает, кто я, то сочтет меня недостаточно крутой для себя. Кроме того, я уже решила, что благодаря анонимности куда легче быть откровенной. И эта переписка спасала меня от скуки на химии. – Это просто веселое развлечение. Я правда не хочу знать.

Изабель вздернула плечами:

– Ладно. Хорошо. Будь я на твоем месте, любопытство не давало бы мне спокойно жить.

Я бросила на Изабель свой лучший – «это не обсуждается» – взгляд и сменила тему:

– Сегодня никаких ланчей в честь годовщины, верно?

Изабель улыбнулась:

– А как же, сегодня наша годовщина в два месяца и пять дней. Ты ведь понимаешь?

Мы устроились на нашем месте под деревом. Я выбрала это место не потому, что отсюда открывался хороший обзор на Лукаса, это просто счастливое совпадение. Я осмотрела двор. Может, моим адресатом была та девчонка, которую я уже знаю. Только вот кто это может быть?

Глава 9

Я строчила в блокноте, в наушниках грохотали «Крукед Брукс». Мне не терпелось написать своей новой подруге о том, какая потрясающая у них музыка. Песня была грубой и депрессивной. Но по какой-то причине она меня

вдохновила. Песня о секретах крутилась у меня в голове и рвалась на бумагу.

Если я открою свои секреты,

Расскажешь ли ты о своей лжи?

Если скажу, что тебе верю, станет ли все в порядке?

Трудно довериться кому-то новому,

Но это не значит…

Вдруг кто-то постучал мне по спине. Я оглянулась и увидела у своей кровати Джону.

Я выключила музыку:

– Привет, Второй, что случилось?

– Ты мне почитаешь? – Братишка уже держал в руках книгу.

– Ты ведь умеешь читать.

– Но мне нравится, когда это делаешь ты.

Мой блокнот на подушке просил меня продолжать, просто умолял…

– Конечно, дружок, – улыбнулась я. – Забирайся сюда.

Я закрыла блокнот, и радостный Джона забрался ко мне в кровать и протянул первую книгу о Гарри Поттере:

– И читай разными голосами.

– Какие высокие требования, – засмеялась я.

Я читала минут двадцать, пока внимание Джоны не начало рассеиваться. Он постучал пальцем по идеально вырезанной из газеты заметке о конкурсе

авторской песни, которую я прикрепила к стене:

– Что это?

– Просто мои мечты… как всегда.

– Мечтать весело, – согласился Джона. – Прошлой ночью я мечтал о динозаврах. А ты о чем?

Мой взгляд устремился на блокнот, оставленный на подушке, а потом обратно на брата.

– Я мечтала о маленьком принце по имени Джона, у которого трое старших братьев и сестер, всегда дающих ему все, что он пожелает, потому что он самый избалованный принц на свете.

Джона выпятил нижнюю губу:

– Я не такой.

– Так ведь я говорила не о тебе. А о принце Джоне из своей мечты. Ты думаешь, что все только о тебе и говорят?

– Да.

Я пощекотала его.

– Спокойной ночи, принц Джона.

– Мне казалось, я Второй.

– Только когда вредничаешь. – Я мягко столкнула братишку ногой с кровати. – Кстати, как поживает твой кролик?

– Мама не разрешила ему спать в моей кровати.

– Иногда мама принимает хорошие решения. Ты дал ему имя?

– Багз Рэббит.

– Может, Багз Банни?

Джона поджал губы.

– Мы зовем его Багз Рэббит.

– Правда? Но как ты это запомнишь?

– Легко. Его зовут Багз, и он кролик.

– В мире больше никто, что ли, не использует аллитерацию?

– Что?

– Ничего.

– Ты пойдешь с нами в пятницу выпрашивать конфеты?

– Точно, в пятницу Хеллоуин.

Джона уперся маленькими кулачками в бока:

– Ты забыла?

– Нет, но я слишком стара, чтобы выпрашивать конфеты… так что Хеллоуин теперь не так уж и важен.

– Я никогда не стану слишком старым для конфет.

Я взъерошила волосы братика:

– Да, конечно, я пойду с вами… а ты даешь мне конфетку.

Джона взвизгнул от радости и выбежал из комнаты.

– Самую лучшую! – крикнула я ему вслед.

Я открыла блокнот на недавно записанных словах, но было уже поздно. Вдохновение ушло. Если сейчас попробую написать песню, она будет о кроликах, динозаврах и конфетках. Та же ерунда, что и о монстрах на деревьях. Лучше возобновить попытку позже.

* * *

– Монстры на деревьях, – сказала я Изабель следующим утром, когда увидела ее у шкафчиков.

– Что?

– Вот о чем я думала вчера перед сном. Так мы делаем это или нет?

Она хлопнула в ладоши и в задумчивости прикусила губу.

Я хихикнула:

– О Габриеле, верно?

– Тсс… Было что-то еще после этого. Пытаюсь вспомнить. О! Блинчики с «Нутеллой».

– Ну вот, теперь я хочу есть, – засмеялась я.

– А я в замешательстве, – сказала Изабель, закрывая шкафчик. – Монстры на деревьях?

– Имитация идеи песни. Но я начала писать настоящую и прочту тебе, когда закончу.

– Было бы неплохо.

– Это будет веселая традиция.

Изабель засмеялась:

– Точно.

* * *

Возможно, я согласилась на утреннюю традицию с Изабель из чувства вины, ведь мне так хотелось прочесть письмо. Письмо, которое я достала из-под парты на химии и теперь разворачивала на парте.

Восьмой трек в «Голубом альбоме» «Блэкаут»? Пока не удалось послушать. У меня есть только первый альбом. И хотя это идет вразрез с моей теорией реверсивной психологии о том, как прожить жизнь, если ты считаешь ее хорошей, то я послушаю. Есть еще группы, которые стоит добавить в плейлист «отрешение от мира»? Можно было бы включать его, чтобы разобраться со своей жизнью. Это делает меня жалким человеком? Вообще-то, мне это не свойственно. На самом деле я довольно веселый парень, когда не нахожусь дома.

Парень? Я моргнула. Мой друг по переписке – это он? Взгляд упал на запись на парте – на строчку, из-за которой я подумала, что это девушка. Оно все еще было там – заявление незнакомца, что он хочет быть Лиссой, когда вырастет. Так это была шутка? Он не прочь пошутить.

Это парень. Парень, которому нравится та же музыка, что и мне, которому скучно на химии и у которого есть чувство юмора. Да мы родственные души. Я слегка улыбнулась и покачала головой. Парню было скучно, и он писал мне письма, чтобы скоротать время. Он не приглашал меня на свидание или что-то

вроде этого.

И тут я поняла, что остановилась на половине письма, и дочитала оставшееся:

О чем бы таком не депрессивном нам поговорить? Я открыт для предложений. Возможные темы: смерть, рак, глобальное потепление (или сейчас это называется изменением климата?), жестокое обращение с животными…

Я перевернула записку, но это был конец. Мы исписали целый лист. Надо бы сохранить его. Я аккуратно сложила его и засунула в рюкзак.

С минуту поглядев на новый, чистый листок перед собой, я написала:

Может, обсудим то, что ты парень? Давай поженимся и нарожаем милых инди-рок-деток.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не рассмеяться, и забросила этот листок в рюкзак возле ног. Не буду заострять внимание на том, что мой новый друг – парень. Притворюсь, будто знала об этом. Потому что это ничего не меняло.

Наконец-то в этом хаосе, что зовется моим домом, мне удалось послушать «Крукед Брукс». Отпад! Четвертый трек. Я прослушала его раз пять подряд. Я сомневалась, что могу доверять твоему вкусу в музыке, но ты меня убедил. Послушаю все, что предложишь. Внизу я напишу список своих любимых групп. Ты на чем-нибудь играешь? Я самоучка, не особо хорошая, но все же смею себя называть гитаристкой. Ладно, убедил, можем создать группу. Только если ты не играешь на гитаре. Извини, но мне не хочется бороться с тобой за соло.

Я перечитала письмо три раза. Это я, но я сомневалась, что стоило быть собой. У меня был не лучший послужной список с парнями. Но с листка мой адресат хотя бы прочтет это спокойным, уверенным голосом, а не так, как я донесла бы это лично: неуклюже.

Вот же глупости! С чего вдруг я забеспокоилась о том, как он меня воспримет? Жаль, что я выяснила, что он парень. Было весело, пока я этого не знала. Всю прошлую неделю я с нетерпением ждала уроков химии. Чего никогда раньше не случалось. И я продолжу в том же духе. На моей стороне все еще была анонимность.

Глава 10

Я открыла еще один ящик комода и бросила несколько кофт на кровать.

Где же она? – подумала я в отчаянии.

Организованной в этой комнате была я. И я не могла положить свою любимую блузку не на то место. Особенно с учетом того, что специально припасла ее для такого вечера, как этот, – вечера, когда я пойду гулять с Изабель, ее парнем и компанией его друзей, которых не знала.

Я достала из шкафа корзину для грязного белья и, плюхнув ее на пол, стала копаться в куче одежды. Ничего не найдя, зарычала.

И тогда я заметила корзину для белья своей сестры на другой стороне шкафа. Рванула к ней и, перебрав несколько вещей, нашла свою любимую зеленую блузку. Вытащила ее. Она была вся мятая и с большим темным пятном на правой стороне.

– Эшли!

Глаза горели от злости. Я выбежала из комнаты, прихватив с собой блузку и свою злость.

Сестра сидела на диване и ела мороженое. Когда она увидела меня, ее глаза округлились.

– Что?

– Вот что. – Я показала блузку.

– Я собиралась ее постирать.

– Почему ты вообще ее надела? Без спроса. Скорее всего, она тебе даже не подходит. – Эшли была намного выше меня.

Сестра состроила гримасу:

– Тебя не было дома, чтобы спросить.

– Эшли! Серьезно.

– Хорошо. Остынь. В следующий раз спрошу.

В этот момент вошла мама:

– Что случилось, девочки?

– Ничего.

Я направилась назад в комнату. С этой блузкой сейчас уже ничего не сделаешь. А с Изабель я встречаюсь через час. Нужно найти что-то другое.

– Куда идешь? – спросила мама.

Должно быть, она заметила мои волосы, которые сегодня мне удалось относительно хорошо выпрямить.

– Заканчивать собираться, – буркнула я.

– Собираться куда?

Тут прискакал Джона в красно-синем костюме динозавра.

– Пойдем, пойдем, пойдем! – кричал он громче необходимого.

Мама положила руку на плечо мальчугана, и он перестал прыгать. Она продолжала смотреть на меня в ожидании ответа.

– Я иду гулять с Изабель, – сказала я.

– Ты мне этого не говорила, – заметила мама.

Я запаниковала, мой мозг прокрутил все события недели заново, пытаясь выдернуть разговор, который, готова поклясться, состоялся с мамой, чтобы сейчас напомнить ей о нем. Но его не существовало.

– Ты говорила, что пойдешь с нами за конфетами, – заныл Джона.

– Эшли может сходить с вами, – предложила я.

Сестра покачала головой:

– Нет. Я иду на хеллоуинскую вечеринку.

– Может, с вами сходит мама? – спросила я Джону в отчаянии, потому что знала, каким он становится, когда упрется.

Мама разочарованно посмотрела на меня, но сказала Джоне:

– Да, я схожу с вами.

Голова динозавра наклонилась вперед, когда Джона, надув губы, уставился в пол. Довольно жалкое зрелище. Вцепившись в свою запачканную блузку, я поняла, что ни я, ни она не выйдем сегодня в свет. Я вздохнула. Ну и ладно. Все равно это будет групповое свидание, на которое мне придется потратить последние двадцать баксов. Почему бы тогда не сохранить деньги на то, что мне действительно захочется.

– Я схожу с вами, Джона.

Джона повеселел.

– Спасибо, Лили, – поблагодарила мама, быстро обняв меня. – Завтрашний вечер весь твой.

– Звучит здорово.

Я вернулась обратно в свою комнату и позвонила Изабель.

Она ответила на втором гудке.

– Лучше бы тебе не отменять нашу встречу.

– Извини. Я обещала Джоне, что пойду с ним выпрашивать конфеты.

– Что ты такое говоришь? Мы планировали это всю неделю. Почему Эшли не может с ним сходить?

– Она идет на вечеринку.

Я понесла блузку в ванную, чтобы там потереть пятно старой зубной щеткой с мылом.

– Лили, – заныла Изабель ужасно похоже на Джону. – Ты обещала.

Я включила воду:

– Знаю, но, к сожалению, моя семья обладает властью над моей жизнью.

– Ты не отпрашивалась у мамы на сегодня?

– Думала, что отпросилась, но, как оказалось, нет.

Она вздохнула.

– Хорошо. Поговорим позже. – Подружка положила трубку, не дожидаясь моего прощания. На душе стало тяжело, но я успокоила себя тем, что у нее есть Габриель. Ей и без меня будет хорошо.

Я посмотрела в зеркало на свои волосы. Осталась довольна. Когда я прилагала усилия и пользовалась феном и средством для укладки волос, получалось здорово. Но я редко так делала.

– Почему ты не можешь выглядеть так хорошо, когда на самом деле куда-то выходишь? – прошептала я.

– Прекрати разговаривать сама с собой, – пропела Эшли, проходя мимо ванной.

– Я говорила по телефону, – крикнула я ей вслед.

Собрала волосы в хвост и пошла за толстовкой.

Глава 11

Когда Изабель сказала, что мы поговорим позже, я не думала, что она имела в виду этим вечером, у меня крыльце, в компании с двумя парнями.

Сводив братьев повыпрашивать сладости, я переоделась в пижамные штаны и футболку и уселась на диван с большой миской конфет на коленях – на случай, если к нам заглянут дети.

Но когда я открыла дверь, то детей за ней не нашла.

С миской в руках я смотрела на Изабель, хлопая ртом, точно рыба, – так бывает, когда слова не идут.

– Привет, – произнесла Изабель, не обращая внимания на выражение моего лица, и поправила кошачьи ушки на голове. – Сладость или гадость. Можно войти?

– Я…

Она выудила из миски «Смартис» и протиснулась мимо меня, увлекая за собой Габриеля и другого парня, взъерошенные волосы и долговязая фигура которого выглядели смутно знакомыми.

– Конечно же заходите, – в растерянности проговорила я и поставила миску на столик у входа.

Ребята стали снимать обувь у входа.

– О, можете не снимать обувь. Ковер все равно грязный. – Я закрыла дверь. Они все же разулись. – Ладно. Я только… эм… надену джинсы.

Братья, услышав звонок, выбежали из гостиной, держа в руках миску с приготовленным мной попкорном, который вываливался через край, оставляя белую дорожку.

– Идите смотрите свой фильм, ребятки. Я скоро вернусь.

Я поспешила в ванную, где пробежалась пальцами по теперь уже растрепанным локонам в надежде хоть немного привести их в порядок и нанесла блеск для губ. Затем отправилась в свою комнату и надела джинсы и первый попавшийся приличный топ – светло-горчичный, с изображением маленьких птичек.

К тому времени как я вернулась в гостиную, Изабель и парни сидели на диване возле сложенных стопок одежды, а братья каким-то образом умудрились достать кролика из клетки и выпустили его на пол. Он скакал вокруг и обнюхивал дорожку из попкорна.

– Когда вы завели кролика? – спросила меня Изабель.

У меня тоже были к ней вопросы. Например, что она здесь делала? Почему не предупредила?

– Эм… на прошлой неделе. Вроде бы.

Я собрала одежду и бросила в корзину для белья.

– Привет, я Лили, – сказала я незнакомцу, пока не стало слишком поздно для знакомства.

– Я Дэвид, – ответил он. – В прошлом году мы вместе ходили на математику.

Я снова посмотрела на него, на сей раз вблизи и в новом контексте. Ну конечно же я его знала. В прошлом году мы вместе ходили на математику. Я не сразу осознала это, так как считала парня другом Габриеля.

– Ты учишься в Моррис Хай. – Я точно предъявила обвинение Дэвиду. Хотя так оно и было. Только предназначалось оно Изабель, а не Дэвиду.

Я бросила сердитый взгляд. Она лишь усмехнулась и пожала плечами. Значит, это все-таки было сводничество. Она хотела познакомить меня с парнем из школы. Неудивительно, что Изабель разозлилась, когда я все отменила.

– Да? – вопросительно ответил Дэвид, хмуро глядя на меня.

– Извини. Я просто думала, ты друг Габриеля.

Кролик проскакал мимо рассыпанной коробки с лего и задел ногу Изабель. Она взвизгнула и подняла ноги на диван, а потом сказала:

– Он друг Габриеля. Но он также учится в нашей школе.

Я собрала лего обратно в коробку и поставила ее ровно. Кролик подскакал к Дэвиду и обнюхал подворот его джинсов.

– Ребятки, идите досматривайте свой фильм. Но сначала верните кролика в клетку, пока он не навел на всех злые чары.

– Он не злой, – возразил Уайат.

– А, понятно, тебя он уже загипнотизировал. Всем остальным хотелось бы избежать этого…

Я поняла, что сглупила. Нужно было заткнуться. Просто когда я нервничала, то, как правило, озвучивала все свои странные мысли. Ну, на самом деле я частенько говорила чудные вещи, но, когда нервничала, это усугублялось.

Джона поднял кролика, его лапки в страхе задергались, потом все же зверек успокоился, и братья вышли из комнаты.

– Твоя мама купила им кролика? – спросила Изабель, глядя вслед мальчишкам.

– Да, ты же знаешь мою маму. Думаю, она увидела, как его продавали на обочине, и забеспокоилась, что он окажется в мультиварке, или на гриле, или на шампурах… кстати, а как готовят кроликов?

Все молчали.

– Где твоя мама? – в конце концов спросила Изабель.

– Когда я сказала, что останусь дома, они с папой решили пойти к друзьям на хеллоуинскую вечеринку или что-то типа того.

Я провела рукой по растрепанным волосам и плюхнулась на диван рядом с Изабель.

– Они нарядись?

– Удивительно, но нет. Только если в костюм странных родителей.

Раздался звонок в дверь, и я отлучилась открыть ее. В этот раз на пороге стояли дети, и я положила в сумки взволнованных маленьких ниндзя целую кучу конфет.

– Так… у вас есть какой-то план? Или вы просто решили зайти поздороваться? – спросила я, снова присев рядом с Изабель.

Подружка повернулась ко мне, ее темные глаза прямо светились.

– Мы решили зайти поздороваться и познакомить тебя с Дэвидом. Он играет в школьном оркестре.

По гордой улыбке Изабель я поняла, что это должно было нас связать.

– О, круто. А на каком инструменте?

Дэвид откинул со лба прядки каштановых волос. Он был худощав, лицо походило на детское: круглые щеки, широкий нос.

– На кларнете.

– Как король свинга?

– Кто?

– Ну, знаешь, Бенни Гудмен?[1 - Бенни Гудмен – американский джазовый кларнетист и дирижер по прозвищу Король свинга.] Разве не он доказал, что кларнетисты могут играть стоящее где угодно? – Слова вылетели прежде, чем я поняла, сколь оскорбительный у них подтекст. – Прости. Это было грубо. У кларнетистов множество отличных возможностей для игры. Марш, оркестр. – Теперь я говорила высокомерно.

– Лили играет на гитаре, – сообщила Изабель.

– Пытаюсь играть. – Не поздно ли забрать свое приглашение зайти в дом? – Хотите что-нибудь выпить?

– Конечно, – ответил Габриель.

– Изабель, помоги мне на кухне.

Она проследовала за мной, и, когда мы оказались вне зоны слышимости парней, я прошептала:

– Почему ты так со мной поступаешь?

Изабель вздохнула:

– Я думала, если ты не узнаешь, что сегодня идешь на свидание, то и времени на панику у тебя не останется. Ты не будешь мысленно проигрывать разговор и представлять результаты.

– Ты решила, моя неуклюжесть – результат предвкушения запланированных неловких для меня ситуаций?

– Вообще-то, да.

Я хихикнула:

– Ну, теперь ты знаешь правду.

Изабель тоже хихикнула:

– Похоже на то. Да ладно тебе, разве Дэвид не прелесть? И такой уравновешенный. Вы, ребята, отлично друг другу подходите.

Я закатила глаза.

– Дай ему шанс, – попросила Изабель.

Я достала из шкафчика стаканы и положила в них лед из морозилки:

– Почему бы и нет?

– Прости, что не предупредила тебя. Я правда думала, что так будет лучше.

Я знала, что у Изабель были благие намерения.

– Все нормально. Вот, возьми эти два. А я проверю братьев. Вернусь через минуту.

Я открыла дверь в комнату с телевизором.

Уайат и Джона сидели на диване, устроив между собой кролика.

– Эй, я же попросила убрать кролика, – сказала я. – Он где-нибудь написает, и мама этому не обрадуется.

– Он смотрит шоу, это его любимое. Когда оно закончится, уберем, – объяснился Уайат.

Я улыбнулась:

– Вы странные. – И мне это нравилось. – Как только закончится и ни секундой позже.

– Ладно, – пропели мальчишки хором.

Я вернулась на кухню и наполнила еще два стакана водой. Ладно, ты можешь вести нормальный разговор и не выглядеть при этом глупо. Вот, хорошее напутствие.

Вернувшись в гостиную, я увидела, что Изабель принесла из моей комнаты гитару и наигрывала выдуманные аккорды.

– О, Лили, иди сюда. Садись, – сказала она. – Я как раз говорила ребятам, что ты им сыграешь.

Я застыла в дверях со стаканами в руках. Не только потому, что мне хотелось вбежать, забрать у нее свою детку и убрать обратно в защитный чехол – я разрешала Изабель касаться гитары, доверяла ей, – но еще и потому, что мне не хотелось играть. Нисколечко. Мне было сложно общаться с новыми людьми, но играть – это совершенно другой уровень. Я научилась играть на гитаре, чтобы писать песни, которые будут исполнять другие люди. Я не желала выступать перед кем бы то ни было.

Изабель, встретившись со мной взглядом, судя по всему, тут же прочла мои мысли.

– А, необязательно. Я сама поиграю, – пролепетала она.

– Да ладно тебе. Лили, Изабель уже несколько месяцев хвалится тобой, – вмешался Габриель. – Дай послушать.

– Я…

Стаканы заскользили в руках. Я поставила их на край столика и вытерла ладони о джинсы.

– Ты не обязана, – вступился за меня Дэвид, и я благодарно ему улыбнулась.

Изабель поднялась:

– Пойду уберу ее.

– Я сама.

Я забрала у нее гитару. Убрала в чехол, спрятала его под кровать и снова присоединилась к ребятам.

Изабель с покаянным видом теперь сидела на полу. Я улыбнулась подруге, давая понять, что не злюсь на нее, и устроилась рядом.

– Извини, – тихо произнесла она.

– Ничего страшного.

Изабель засунула руку в коробку с «Лего»:

– Нам надо устроить соревнование по строительству кораблей.

– Да, – поддержал ее Габриель. – Я король «Лего».

– Это самопровозглашенный титул или тебя кто-то назначил? – спросила я.

Изабель рассмеялась.

Габриель напустил на себя обиженный вид:

– Назначили, конечно. – Он спустился к нам на пол и взял горсть деталей. – Мой папа.

Только я собралась заявить, что отцы – нечестные судьи, в комнату с чем-то в руках забежал Уайат. За ним со слезами на глазах появился Джона, по его подбородку стекала кровь.

О нет!

– Я его вырвал! – объявил Уайат.

Только через секунду я разглядела, что в руках он держал зуб, а еще через одну поняла: это зуб Джоны.

Джона толкнул его в спину:

– Я хотел сам его вырвать.

Я вскочила и обняла братишку за плечи:

– Притормози, вампир, нужно прополоскать рот после еды.

Он засмеялся сквозь слезы, но больше никто не развеселился. Все выглядели напуганными.

– У него шатался зуб, – быстро прояснила я. – Уайат, в следующий раз не делай так.

– Он трусил. Мама сказала, если он его не вырвет, то проглотит во сне.

Тут в гостиную прискакал кролик. Устремился прямо к Дэвиду и описал его ногу в носке. Не знаю, то ли рефлекторно, то ли от отвращения, но Дэвид дернул ногой и отправил кролика в полет по комнате на три-четыре метра.

Джона ахнул.

– Ты сделал ему больно, злыдня! – закричал он.

Из его рта выплеснулась очередная порция крови и вместе с возгласом потекла по подбородку.

Наверное, мне следовало извиниться за брата, но я как бы была с ним согласна. Кто пинает кролика?

– Уайат, позаботься о кролике, – сказала я и повела Джону по коридору в ванную, чтобы помочь умыться.

– Багз Рэббит будет в порядке? – спросил Джона.

– Конечно. У него много шерсти. Она его защитила.

– Ты сказала, что посмотришь с нами фильм, Лили, а сама развлекаешься с друзьями.

– Знаю, малыш. Я попрошу их уйти.

Но не пришлось. Когда я закончила разбираться с Джоной и вышла в гостиную, ребята уже стояли возле открытой входной двери. Изабель раздавала конфеты детишкам, а Габриель и Дэвид обувались.

Закрыв дверь, Изабель стала крутить браслет на запястье:

– Нам пора.

Дэвид не смотрел на меня и, казалось, не мог дождаться момента, когда сможет убраться отсюда. Держа в руке правый ботинок, он на цыпочках дошел до двери.

– Позвони мне, когда обзаведешься особыми кроликовыми силами, – пошутила я.

Дэвид попытался засмеяться, но вышло нечто похожее на нервный кашель.

«Извини», – одними губами произнесла Изабель. Я пожала плечами – не могла же я ее винить. Моя семья просто невыносима, а здесь присутствовала только половина. Кроме того, мне было все равно. Я была уверена, что Дэвид даже не знал, кто такой Бенни Гудмен, а для кларнетиста это грех.

Изабель выбрала Дэвида для своего квеста. И он только еще больше подтвердил мое мнение, что упомянутый квест непроходим.

Глава 12

– Кто-нибудь видел мои плоскогубцы с синими ручками? – обратилась мама ко всем. Когда под одной крышей проживают шестеро, так общаться гораздо проще. Этот способ не всегда приносит плоды, но зато является самым быстрым. – Эй, кто-нибудь?

– Нет! – раздался ответ Уайата.

Мама просунула голову в мою комнату. Я сидела на кровати, раздумывая, вставать или нет.

– Я тоже их не видела, – зевая, ответила я.

– Хочешь сегодня поехать со мной?

Примерно раз в месяц мама ездила на разные ярмарки ремесел на открытом воздухе или блошиные рынки, где продавала свои творения.

– Далеко? – спросила я.

– В город. На осенний фестиваль. Получишь двадцать процентов.

Так мама заманивала нас ей помочь – двадцать процентов от прибыли. Это казалось выгодным делом, только если она не зарабатывала всего пятьдесят баксов, а такое случалось. Тогда наша выручка за весь день составляла десятку. Но иногда мама зарабатывала триста долларов, и я могла уйти с шестьюдесятью баксами в кармане. Да, это был риск. На который я была готова пойти, потому что соглашалась не только ради денег.

Я ездила туда посмотреть на людей. Они меня вдохновляли, и я могла это использовать в своей работе. С тех пор как я написала несколько замечательных строчек под музыку «Крукед Брукс», у меня наступил ступор. Вырезка из газеты насмехалась надо мной со стены возле кровати. Она напоминала, что на написание песни осталось менее двух недель – на музыку, слова и все остальное. А я едва выжала из себя несколько строчек.

– Да, я поеду, – решительно сказала я, наконец вставая с кровати.

Мама кивнула:

– Выезжаем через полчаса.

* * *

Тележка с попкорном стояла к нашей палатке ближе, чем обычно, и сладкий запах в воздухе почти компенсировал то, что я обнаружила, приехав на осенний фестиваль. В палатке рядом с нашей находился Кейд Дженнингс. Его отец владел весьма успешной страховой компанией, и сегодня они раздавали листовки с коммерческим предложением прямо в гуще палаток с ремеслами.

Я нахмурилась. Разве для такого не существовало отдельной секции?

Мама выставляла подносы на стол, а я старалась придумать предлог, чтобы смыться из палатки.

– Сходить за напитками? – спросила я.

– Я захватила бутылки с водой. – Мама указала на сумку под столом.

– Снеки?

– Ты уже проголодалась?

Было девять утра, и мы позавтракали перед отъездом. Так что вопрос был уместным.

– Нет, думаю, нет.

– Там еще коробка с кольцами. Достанешь?

– Хорошо. – Я задрала край скатерти и вытащила коробки. – Почему мы сегодня не продаем папины изделия? – Я имела в виду элементы интерьера, папина мебель была действительно хорошей, куда лучше тех ожерелий, которые он делал, притворяясь, будто они лучше маминых.

– Он сейчас работает по контракту – делает кухонные шкафчики для какого-то дома в Скоттсдейл.

– О, здорово! – обрадовалась я: работа по контракту была более стабильной и лучше оплачивалась.

Я взглянула направо. Кейд еще меня не видел. По крайней мере, я так предположила – судя по отсутствию едких комментариев. Он выкладывал на пластмассовую стойку какие-то листовки. Я никогда раньше не видела его таким разодетым. Он надел слаксы, рубашку и даже галстук. И я в своей домашней короткой цветастой юбке и джинсовой жилетке ощущала себя хуже обычного. Но даже не пыталась хоть частично скрыть свой наряд, присев, хотя мне очень этого хотелось. Мне было плевать на то, что обо мне думает Кейд.

К палатке Кейда подошел мужчина, ни капли не похожий на него, с двумя стаканчиками с крышкой и один протянул Кейду.

Вероятно, Кейд пошел в маму. Или этот мужчина был деловым партнером его отца. Он пробормотал что-то Кейду, и тот бросил листовки, которые раскладывал, и положил на пластмассовую стойку другие.

Мама начала обсуждать с дамой слева возможную толчею. В этот момент Кейд поймал мой взгляд, будто знал, что все это время я за ним наблюдала, и его губы медленно растянулись в улыбке.

– Делаешь заметки? – спросил он меня. – Вот как выглядит успех. – Его взгляд прошелся по украшениям на нашем столе и замер на подносе с ожерельями с перьями. Он поднял брови: – Пожалуй, тут одними заметками делу не поможешь.

Я притворилась, будто пишу на листке.

– Первый шаг: одеться как сорокалетний мужчина, – ехидно проговорила я. – Второй: ужасно относиться к людям. Третий: вести себя так, словно мир вращается вокруг меня. Я что-нибудь упустила?

Кейд усмехнулся:

– Вообще-то, очень многое. Не притворяться, будто знаешь все. Не писать на ходу. И хоть иногда думать о других.

– Что? Думать о других? И что это значит?

– Здесь нет никакого скрытого смысла.

Я прищурилась и уже было собралась сказать то, что наверняка не следовало, как мама положила руку мне на плечо.

– Ты учишься с этим мальчиком? – спросила она меня. – Как интересно. – А потом, к моему ужасу, выкрикнула: – Привет! Приятно познакомиться.

Кейд натянул улыбку, которая маме конечно же показалась искренней, но в действительности была ироничной.

– Здравствуйте, соседка по палатке, – ответил он, и мама засмеялась, словно это была суперостроумная шутка.

– Какой милашка, – прошептала мама. – Ты знаком с моей дочкой? – громко спросила она, и я напряглась.

Кейд встретился со мной взглядом, и в его глазах вспыхнул озорной огонек.

– Да. Мы вместе учимся.

– Вот здорово. Если сегодня покупателей будет мало, вы двое хоть не будете скучать.

– Да. Лили определенно не даст заскучать, – усмехнулся Кейд.

– Так и есть, – согласилась мама, словно он только что не оскорбил меня.

Мне предстоял тот еще денек.

* * *

Удивительно, но день прошел не так плохо, как я ожидала. Кейд занимался своими делами, я – своими. А теперь его даже не было в палатке. Он ушел около часа назад и пока не вернулся.

Может, Изабель была права. Может, я провоцировала его чаще, чем думала.

У нашей палатки остановилась женщина с несколькими окрашенными прядями в волосах. В руках у нее было портмоне. Она проверила ценники на каждой вещице, а потом начала пересчитывать мелочь. И каждый раз, когда ей не хватало, она переходила к следующей вещичке. Для таких ситуаций должна быть песня. Если пенни приносит удачу, а десять центов исполняют желание, почему же мои одиннадцать не купят то, что мне нужно? Я хихикнула, осознав банальность слов.

– Что смешного? – спросила мама.

– О, ничего.

– Сделаем обеденный перерыв?

– Конечно.

Мама протянула мне десятку:

– Я хочу тот большой вегетарианский буррито.

– Хорошо, я быстро.

Я поплелась сквозь толпу к закусочным на колесах в конце улицы. И, простояв в очереди несколько минут, увидела Кейда, который сидел справа за длинным пластиковым столом с одним из своих школьных друзей, Майком. Ребята находились всего в нескольких шагах, и мне было прекрасно их слышно, хотя я даже не пыталась прислушиваться к их разговору.

– Думаешь, тренер хочет, чтобы мы ходили на каждую тренировку и на все игры? – спросил Майк.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бенни Гудмен – американский джазовый кларнетист и дирижер по прозвищу Король свинга.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uest_keysi/p-s-ty-mne-nravish-sya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить